РУ
181
Гер
Соц

М. ГЕРШЕНЗОНЪ.

СОЦІАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКІЕ ВЗГЛЯДЫ А. И. ГЕРЦЕНА.

Складъ изданія—кн. маг. „Трудъ".

РУ
181
Гер.
Соц

МОСКВА
1906

1к

М. ГЕРШЕНЗОНЪ.

СОЦІАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКІЕ ВЗГЛЯДЫ А. И. ГЕРЦЕНА.

СКЛАДЪ—ИЗДАНІЯ КН. МАГ. „ТРУДЪ“.

МОСКВА

1906

ПРОФ. 1959

PV
181
Гер.

Дозволено цензурою. Москва, 19 марта 1906 г.

Соц

Библиотека ООН
Академии Наук СССР

776
37

Типографія О-ва распростр. полезн. книгъ, аренд. В. И Вороновымъ.
Моховая, противъ манежа, д. кн. Гагарина.

I.

Въ дѣятельности Герцена надо различать двѣ стороны: онъ былъ вождемъ и учителемъ. Герценъ-вождь умеръ и принадлежитъ исторіи, остался Герценъ-учитель.

Онъ былъ вождемъ, когда съ первой книжки «Полярной Звѣзды» до послѣдняго листа «Колокола» въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, не покладая рукъ, боролся за минимальную программу русскаго либерализма, за

освобожденіе крестьянъ—отъ помѣщиковъ,
освобожденіе слова—отъ цензуры,
освобожденіе податного сословія—отъ побоевъ;

и, какъ вождь въ этой частичной, временной борьбѣ, онъ оказалъ Россіи незабвенныя услуги, какъ дѣятель крестьянскаго освобожденія, онъ имѣетъ право на благодарность свободнаго русскаго народа. Но онъ былъ больше, нежели публицистъ, и большая часть написаннаго имъ касается не злобы его времени, а великихъ историческихъ задачъ человѣчества. Живое значеніе для насъ онъ имѣетъ только, какъ историкъ-философъ, какъ мудрый аналитикъ и провидецъ. А съ этой стороны его знаютъ меньше всего.

...Крушеніе надеждъ, принесенныхъ изъ Россіи, было огненнымъ крещеніемъ Герцена. Это испытаніе не дало ему ничего новаго, оно только разрушило въ немъ старую вѣру—

въ политическую революцію и въ нѣмецкую науку; оно сдѣлало его взглядъ свободнымъ, и когда онъ теперь оглянулся вокругъ себя, то ясно увидѣлъ надвигающуюся грозу соціальнаго переворота.

«Человѣческая мысль, человѣческое развитіе черезъ два тысячелѣтія коснулись до одного изъ тѣхъ рубежей, которые раздвигаютъ всемірную исторію на огромныя, законченныя части; между ними ложатся, какъ между материками, океаны. Отъ одного до другого все мѣняется—цвѣты и звѣри, небо и почва... Съ тѣхъ поръ, какъ языческій міръ, истощенный величіемъ, изживши все, что лежало въ его эллино-римской идеѣ, отрекся отъ всѣхъ благъ и просилъ крещенія въ другую жизнь, ничего подобнаго не бывало! Голосъ, испугавшій тогда, опять слышится и опять говоритъ: «брось все и иди за мной!» И снова стоитъ въ раздумьи богатый Никодимъ, и противъ своего сердца становится консерваторомъ.

«Жертва, которую требовало христіанство отъ античнаго міра, была мала въ сравненіи съ той, которая потребуется теперь; христіанство за землю давало небо, за Олимпъ—Голгоѳу, за безсмысленный рокъ—сознательный промыслъ, за потерю временнаго богатства—вѣчную радость. У новаго свѣта, толкущагося въ двери, нѣтъ неба, нѣтъ рая, въ немъ можетъ выиграть только тотъ, кому нечего терять».

Это—*соціализмъ*,—«гроза, которую никакая мощь въ мірѣ не остановитъ», соціализмъ, «лежащій нынѣ подъ землей, но не въ могилѣ, а на вспаханномъ полѣ».

Геніально-простыми чертами изображаетъ Герценъ исторію нашей аристократической культуры. Сущность одна—антропофагія, только формы становятся образованнѣе: «каннибалъ, который ѣстъ своего невольника, помѣщикъ, который беретъ страшный процентъ съ земли, фабрикантъ, который богатѣетъ за счетъ своего работника», — таковы видоизмѣненія этого людоѣдства. Весь укладъ нашей жизни зиждется на эксплуатаціи милліоновъ единицами; безъ нея были бы невозможны

наша наука, искусство, развитіе нашей мысли. И насколько это—дѣло прошлаго, смѣшно скорбѣть или негодовать: человѣчество только подчинялось общему закону природы, которая щедра и безжалостна; пока меньшинству дѣйствительно было хорошо, а большинство не догадывалось, что его пожираютъ, эта форма жизни была оправдана. Но съ той минуты, какъ рабочій понялъ, въ чемъ дѣло, міръ антропофагіи теоретически конченъ, и крушеніе его—только вопросъ времени. Это именно случилось теперь въ Европѣ: прозрѣлъ рабочій, и съ другой стороны самое меньшинство утратило чувство своей правоты, своего права на людоѣдство,—демократическій принципъ, какъ ракъ, снѣдаетъ его изнутри. Старый міръ на краю гибели, и ему неоткуда ждать спасенія.

На видъ все еще стоитъ прочно, старый механизмъ функціонируетъ правильно, старыя твердыни высятся незыблемо; а въ сущности все замираетъ, въ сущности «нѣтъ ни церкви ни войска, ни правительства, ни суда—все превратилось въ полицію». Дѣло только за объединеніемъ рабочихъ да за просвѣщеніемъ крестьянъ, а тамъ прости нашъ досугъ, наша роскошь, наша цивилизація! Намъ не спасти ея ни казнями, ни благотворительностью, ни всеобщей подачей голосовъ, ни даже раздѣленіемъ земель. Идутъ новые христіане, новые варвары, «они, какъ лава, тяжело шевелятся подъ землею, внутри горъ. Когда настанетъ ихъ часъ—Геркуланумъ и Помпея исчезнутъ, хорошее и дурное, правый и виноватый погибнутъ рядомъ. Это будетъ не судъ, не расправа, а катаклизмъ, переворотъ». «Страшно то,—говоритъ Герценъ въ другомъ мѣстѣ—что отходящій міръ оставляетъ не наслѣдника, а беременную вдову. Между смертью одного и рожденіемъ другого утечетъ много воды, пройдетъ длинная ночь хаоса и запустѣнія».

Въ своемъ опредѣленіи соціализма Герценъ одинаково расходится и съ утопическими теоріями своихъ французскихъ учителей, и съ ученіями нѣмецкихъ основателей научнаго соціализма, равно далекъ и отъ «Икаріи» Кабэ, и отъ Zukunft-

staat'a марксистовъ. Для него соціализмъ — второе Евангеліе: подобно Евангелію, онъ никогда не осуществится, но проникнетъ во всѣ явленія, станетъ руководящимъ началомъ во всѣхъ сферахъ жизни. Соціализмъ—отвлеченное ученіе, и его осуществленіе не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ *неожиданнымъ сочетаніемъ идеи съ фактами;* «жизнь осуществляетъ только ту сторону мысли, которая находитъ себѣ почву, да и почва притомъ не остается страдательнымъ носителемъ и даетъ свои соки, вноситъ свои элементы. Новое, возникающее изъ борьбы утопій и консерватизма, входитъ въ жизнь не такъ, какъ его ожидала та или другая сторона; оно является переработаннымъ, инымъ, составленнымъ изъ воспоминаній и надеждъ, изъ существующаго и водворяемаго, изъ преданій и возникновеній, изъ вѣрованій и знаній, изъ отжившихъ римлянъ и нежившихъ германцевъ, соединяемыхъ одной церковью, чуждой обоимъ. Идеалы, теоретическія построенія никогда не осуществяются такъ, какъ они носятся въ нашемъ умѣ».

Отто Сперберъ, авторъ дѣльной нѣмецкой работы о міровоззрѣніи Герцена, совершенно справедливо замѣчаетъ при разборѣ его взглядовъ на соціальный вопросъ, что въ то время, какъ идеи Родбертуса, Лассаля и Маркса—главнымъ образомъ соціально-экономическаго свойства, идеи Герцена носятъ преимущественно соціально-философскій характеръ [1]). Первые исходили отъ существующихъ экономическихъ условій, становились на почву наличныхъ противорѣчій, которыя они ставили себѣ цѣлью примирить, и, только обобщая эти частичныя абстракціи, доходили до понятія общества въ цѣломъ и до постановки общихъ соціально-политическихъ постулатовъ; а такъ какъ вся экономическая жизнь новаго времени окрашена антагонизмомъ между капиталомъ и трудомъ, то соціа-

[1]) См. Otto v. Sperber, Die socialpolitischen Ideen Alexander Herzens, Лейпцигъ, 1894, стр. 142—3.

лизмъ свелся для нихъ почти исключительно къ рѣшенію рабочаго вопроса. Герценъ въ выработкѣ своего міровоззрѣнія шелъ противоположнымъ путемъ: на основаніи историко-философскихъ знаній онъ составилъ себѣ идеалъ человѣческаго общества; разрабатывая этотъ идеалъ въ деталяхъ, онъ дошелъ и до экономическаго вопроса и рѣшилъ его сообразно общимъ принципамъ. Естественнымъ послѣдствіемъ этого различія было то, что Герценъ долженъ былъ придти къ гораздо болѣе радикальнымъ выводамъ, нежели представители научнаго соціализма, потому что онъ подвергъ критикѣ самыя основы современной соціальной жизни, тогда какъ тѣ либо принимали эти основы за непреложный фактъ, либо, выводя дедуктивнымъ путемъ постулаты для отдѣльныхъ сторонъ общественной жизни, совершенно оставляли въ сторонѣ историческую почву послѣдней — этическія и религіозныя представленія, формы государства и семьи.

Ближайшимъ послѣдствіемъ этого различія было то, что соціализмъ для Герцена далеко не ограничивался экономической сферой, хотя онъ и признавалъ въ полной мѣрѣ первостепенную важность вопроса о распредѣленіи богатствъ, о присвоеніи орудій производства (см., напримѣръ, «Письма изъ Франціи и Италіи», письмо 4-ое). И любопытно, какъ рано онъ выработалъ себѣ этотъ широкій взглядъ, которому остался вѣренъ до конца; вотъ строки, писанныя имъ еще въ половинѣ 1849 года [1]): «Обыкновенно думаютъ, что соціализмъ имѣетъ исключительною цѣлью разрѣшеніе вопроса о капиталѣ, рентѣ и заработной платѣ, т.-е. объ уничтоженіи людоѣдства въ его образованныхъ формахъ. Это не совсѣмъ такъ. Экономическіе вопросы чрезвычайно важны, но они составляютъ одну сторону цѣлаго воззрѣнія, стремящагося, наравнѣ съ уничтоженіемъ злоупотребленій собственности, уничтожить на тѣхъ же основаніяхъ и все монархическое, религіозное—въ

[1]) «Письма изъ Франціи и Италіи», письмо 11-ое, 1 іюня 1849 г.

судѣ, въ правительствѣ, во всемъ общественномъ устройствѣ и всего болѣе въ семьѣ, въ частной жизни, около очага, въ поведеніи, въ нравственности». Это была однако еще слишкомъ общая формула; позднѣе онъ раскроетъ ее.

Самый экономическій переворотъ представлялся ему, какъ внесеніе мысли, плана, системы въ дикую путаницу производственныхъ отношеній: соціализмъ долженъ не уничтожить политическую экономію, а превратить ее изъ эмпирическаго свода разсужденій и наблюденій, не смѣющихъ касаться до святыхъ твердынь существующаго, въ экономическую науку, посягающую на все». Это—не утопія, презирающая и прошлое, и дѣйствительность, изъ чистаго разума выводящая планъ будущаго,—но и не пасующая передъ фактомъ наука; и тотъ же здоровый идеализмъ окрашиваетъ все міровоззрѣніе Герцена. Задача соціализма оказывается проста и всеобъемлюща, одна и та же во всѣхъ сферахъ жизни: тамъ, гдѣ нынѣ царитъ хаосъ, водрузить знамя разумныхъ людскихъ отношеній и трезвыхъ, логическихъ законовъ общежитія. Но тутъ уже не можетъ быть задержекъ на полпути: человѣкъ долженъ будетъ стать палачомъ прошлаго, узнавать его во всѣхъ одеждахъ и казнить въ жертву будущему. «Люди боятся своей логики и, опрометчиво вызвавъ передъ ея судъ церковь и государство, семью и нравственность, добро и зло, стремятся спасти клочки, отрывки стараго»; но разумъ неподкупенъ, онъ мститъ вдвое, и въ новый міръ, какъ за Христомъ, можно пойти только бросивъ все, ничего не взявъ изъ наслѣдства.

И въ томъ-то весь ужасъ, что прошлымъ пропитана вся наша жизнь,—добро бы только экономическій строй, но нѣтъ: оно проникло во всѣ поры, въ наши представленія и привычки, въ отвлеченное мышленіе и поэзію. Въ атмосферѣ «образованной антропофагіи» сложились комплексы чувствъ, идей, навыковъ,—и всѣ они должны быть привлечены на судъ разума, подвергнуты анализу. «Не будетъ міру свободы, пока все религіозное, политическое не превратится въ человѣческое,

простое, подлежащее критикѣ и отрицанію. Возмужалая логика ненавидитъ канонизированныя истины, она ихъ разстригаетъ изъ ангельскаго чина въ людской, она изъ священныхъ таинствъ дѣлаетъ явныя истины, она ничего не считаетъ неприкосновеннымъ».

Итакъ, надо разрушить старую цивилизацію и изъ ея камней по разумному плану воздвигнуть новую. Принципъ ясенъ, но достаточно ли его для дѣйствительной постройки? Какъ претворить общія начала разумности, свободы и равенства въ новую организацію государства, семьи, въ новыя формы отношеній лица къ обществу? И можемъ ли мы, дѣти и баловни стараго міра, чья психика взрощена его традиціей,—можемъ ли мы стать строителями новаго міра?

Этотъ вопросъ послужилъ исходной точкой глубоко-поучительнаго спора, который въ послѣднія десять лѣтъ своей жизни велъ Герценъ съ Бакунинымъ.

Совершенно такъ же, какъ и Герценъ, Бакунинъ признавалъ современную культуру негодной во всѣхъ ея частяхъ и считалъ необходимымъ раздробить всѣ ея формы на первичные элементы, такъ сказать, разобрать ихъ по кирпичамъ. «Мы понимаемъ революцію,—писалъ онъ, — какъ переворотъ радикальный, какъ замѣну всѣхъ безъ исключенія формъ современной европейской жизни другими, новыми, совершенно противоположными. Если всѣ существующія формы дурны, то совершенно новыя могутъ произойти только тогда, когда отъ разрушенія не уцѣлѣетъ ни одна изъ нихъ; т.-е. совершенно новыя формы жизни могутъ произойти только изъ совершенной аморфности». Но здѣсь начинается коренное разногласіе. Бакунинъ строго различаетъ въ грядущемъ соціальномъ переворотѣ двѣ стадіи: начало—именно разрушеніе существующихъ общественныхъ формъ, и конецъ — созиданіе новаго строя. Онъ утверждаетъ, что между этими двумя стадіями нѣтъ и не должно быть ничего общаго, что онѣ абсолютно несовмѣстимы, вопреки всѣмъ филистерамъ науки, пишущимъ

разсужденія на ту тему, что нельзя разрушать, не имѣя строго выработаннаго плана постройки. «Мы говоримъ: полное разрушеніе несовмѣстимо съ созданіемъ и потому должно быть исключительно, абсолютно-едино. Данное поколѣніе должно *начать* настоящую революцію, *начать* полное измѣненіе всѣхъ условій общественной жизни, т.-е. данное поколѣніе должно разрушить все существующее съ плеча, безъ разбора, съ единымъ соображеніемъ «скорѣй и больше». И такъ какъ данное поколѣніе само подвергалось вліянію тѣхъ отвратительныхъ условій жизни, противъ которыхъ возстаетъ, то этому поколѣнію не можетъ принадлежать дѣло созиданія, дѣло тѣхъ чистыхъ силъ, которыя выработаются въ дни обновленія. Мы говоримъ: мерзости современной цивилизаціи, въ которой мы выросли, лишили насъ способности устраивать зданіе рая будущей жизни, о которой мы можемъ имѣть только туманное представленіе по понятію противоположности гадостямъ существующаго».

На это Герценъ отвѣчалъ: дерево срубить можно, но корни останутся, и изъ нихъ вырастетъ то же дерево и тѣ же плоды. Людей нельзя освободить больше, чѣмъ они свободны внутри; современный строй силенъ не столько своей матеріальной силой, сколько признаніемъ его, и разрушенъ онъ можетъ быть только изнутри—знаніемъ, пониманіемъ. Можно ли сразу вырвать изъ народнаго сознанія идеи государства, семьи, собственности, наслѣдства, суда? Пока не разрушены эти идеи, навыки, предразсудки—взорвите порохомъ современный міръ, изъ его обломковъ возникнетъ міръ, въ общемъ сходный съ нимъ. Въ 48 году народъ, взявшись за оружіе, только на баррикадахъ замѣтилъ, что у него нѣтъ знамени. Сплоченная буржуазія разбила его; но что было бы, если бы побѣда осталась за пролетаріемъ? Разрушеніе и созиданіе — не два раздѣльныхъ акта, а одинъ по существу, и горе тому, кто ихъ раздѣляетъ: его ждетъ вѣрная неудача, и онъ причинитъ людямъ и дѣлу тяжелый вредъ. Современный міръ держится не-

разуміемъ и невѣжествомъ, а отъ предразсудковъ нельзя вылѣчить ни огнемъ, ни желѣзомъ. «Пусть каждый добросовѣстный человѣкъ самъ себя спроситъ: готовъ ли онъ? Такъ ли ясна для него новая организація, къ которой мы идемъ, какъ общіе идеалы коллективной собственности, солидарности, и знаетъ ли онъ процессъ (кромѣ простого ломанья), которымъ должно совершиться превращеніе въ нее старыхъ формъ? И пусть, если онъ лично доволенъ собой, пусть скажетъ, готова ли та среда, которая по положенію должна первая ринуться въ дѣло?» Поэтому у прозрѣвшаго сейчасъ можетъ быть только два дѣла: внутренно освобождать самого себя и проповѣдью освобождать другихъ.

Съ той поры, когда Герценъ былъ вождемъ въ практической борьбѣ, у насъ прочно укоренилось представленіе о немъ, какъ о трибунѣ, объ агитаторѣ, и никто не хочетъ вспомнить его завѣщанія, которое сводится къ этой двухчленной формулѣ: раскрыть разумъ въ себѣ и другихъ. «Когда бы люди захотѣли, вмѣсто того чтобы спасать міръ, спасать себя, вмѣсто того чтобы освобождать человѣчество, себя освобождать,—какъ много бы они сдѣлали для спасенія міра и для освобожденія человѣка!» «Я не вѣрю въ серьезность людей, предпочитающихъ ломку и грубую силу развитію и сдѣлкамъ. Проповѣдь нужна людямъ, проповѣдь неустанная, ежели путная; проповѣдь, равно обращенная къ работнику и хозяину, къ земледѣльцу и мѣщанину. Апостолы намъ нужны прежде авангардныхъ офицеровъ, прежде саперовъ разрушенія. Апостолы, проповѣдующіе не только своимъ, но и противникамъ». И то, и другое писано не Л. Толстымъ: иной читатель едва повѣритъ, что это—слова Герцена, и не случайно оброненныя, а итогъ цѣлой жизни. Какъ извѣстно, одна изъ основныхъ посылокъ исторической философіи Маркса сводится къ той же мысли, которую Герценъ выразилъ словами: изъ того, что женщина беременна, еще не слѣдуетъ, что она должна завтра родить, и нельзя изъ перваго мѣсяца беременности прыгать

сразу въ девятый. Но тутъ и сказывается коренное различіе въ міровоззрѣніяхъ Герцена и Маркса: соотвѣтственно видной роли, которую Герценъ вообще отводитъ въ историческомъ процессѣ сознанію и личной волѣ («личность создается средой и событіями, но и событія осуществляются личностями и носятъ на себѣ ихъ печать»), онъ показателемъ зрѣлости считаетъ исключительно успѣхи пониманія, тогда какъ въ глазахъ Маркса рѣшающее значеніе имѣютъ только данныя экономической жизни: «Ни одна общественная формація, — говоритъ онъ, — не погибнетъ раньше, чѣмъ разовьются всѣ производительныя силы, для которыхъ она даетъ достаточно простора, а новыя, высшія производственныя отношенія никогда не появятся на свѣтъ раньше, чѣмъ созрѣютъ матеріальныя условія ихъ существованія на лонѣ этого порядка». Но это мимоходомъ.

Въ 1862 году, отвѣчая въ «Колоколѣ» на упреки «Молодой Россіи», что онъ потерялъ вѣру въ насильственные перевороты, Герценъ писалъ, что потерялъ не вѣру въ нихъ, а любовь къ нимъ: насильственные перевороты бываютъ неизбѣжны, но на нихъ можно рѣшаться только истощивъ всѣ средства, потому что, какая бы кровь ни текла, гдѣ нибудь текутъ слезы. Правда, было время, когда охваченный ненавистью и отвращеніемъ, и онъ призывалъ разрушеніе на буржуазный міръ. Въ страшные іюльскіе дни, когда въ С.-Антуанскомъ предмѣстьи ручьями текла кровь разстрѣливаемыхъ, какъ стадо, парижскихъ рабочихъ, Герценъ писалъ: «Что выйдетъ изъ этой крови?—кто знаетъ; но что бы ни вышло, довольно, что въ этомъ разгарѣ бѣшенства, мести, раздора, возмездія погибнетъ міръ, тѣснящій новаго человѣка, мѣшающій ему жить, мѣшающій водвориться будущему—и это прекрасно, а потому—да здравствуетъ хаосъ и разрушеніе! Vive la mort! И да водрузится будущее!» Но и тогда, рисуя картину будущаго соціальнаго переворота, онъ съ глубокой грустью говорилъ объ обреченной на гибель цивилизаціи, а 20 лѣтъ спустя, на краю могилы, это чувство стало однимъ изъ сильнѣйшихъ въ немъ.

Протестуя противъ насильственнаго разрушенія прежде всего въ виду его безцѣльности, онъ едва ли не равнымъ доводомъ выставляетъ страхъ за науку и созданія искусства. Онъ боится, чтобы въ необузданномъ взрывѣ, вмѣстѣ съ капиталомъ, собраннымъ ростовщиками, не погибъ «другой капиталъ, идущій отъ поколѣнія въ поколѣніе и отъ народа къ народу». «Новый водворяющійся порядокъ,—говоритъ онъ,—долженъ являться не только мечомъ рубящимъ, но и силой хранительной. Нанося ударъ старому міру, онъ не только долженъ спасти все, что въ немъ достойно спасенія, но оставить на свою судьбу все немѣшающее, разнообразное, своеобычное. Горе бѣдному духомъ и тощему художественнымъ смысломъ перевороту, который изъ всего былого и нажитаго сдѣлаетъ скучную мастерскую, которой вся выгода будетъ состоять въ одномъ пропитаніи, и только въ пропитаніи... И кто не скажетъ безъ вопіющей несправедливости, чтобы и въ былomъ и въ отходящемъ не было много прекраснаго и что оно должно погибнуть вмѣстѣ съ старымъ кораблемъ».

Извѣстно, что Герценъ считалъ именно Россію призванной сыграть роль зачинщика и вождя въ соціальномъ переворотѣ; порукою въ этомъ была ему необремененность русской психики, ея варварская свѣжесть—и глубоко коренящееся въ русскомъ народѣ сознаніе его *права на землю*, этотъ какъ бы врожденный соціализмъ. То, что мы видимъ сейчасъ,—громадную роль рабочаго класса въ судьбахъ Россіи,—онъ не подозрѣвалъ, да въ свое время и не могъ предвидѣть. Онъ былъ убѣжденъ, что движеніе пойдетъ отъ нивы, отъ деревни, и что децентрализація будетъ первымъ признакомъ нашего переворота; на этомъ и основывалась его увѣренность въ томъ, что у насъ не будетъ мѣста французскому террору—явленію чисто-городскому,—да еще на томъ, что французамъ приходилось на мѣсто окрѣпнувшаго вѣками воздвигать совершенно новое, тогда какъ нашъ переворотъ будетъ не чѣмъ инымъ, какъ сознательнымъ возвращеніемъ къ исконнымъ народнымъ

началамъ, къ провозглашенію земли неотъемлемой стихіей. Но нашъ мужицкій переворотъ долженъ зажечь всю Европу, и конецъ современному міру наступитъ тогда, когда русскій крестьянинъ перекликнется съ западнымъ пролетаріемъ-рабочимъ, и они поймутъ, что у нихъ собственно одно дѣло.

Еще за четверть вѣка до Герцена Чаадаевъ, исходя изъ идей другого порядка, первый высказалъ увѣренность, что Россіи предназначено прежде всѣхъ народовъ разрѣшить сложнѣйшія проблемы соціальнаго строя (онъ разумѣлъ при этомъ: осуществить высшіе обѣты христіанства). Это убѣжденіе перенялъ у него Герценъ, къ той же мысли самостоятельно пришли славянофилы, потомъ ее съ несокрушимой вѣрою проповѣдывали Достоевскій и Соловьевъ. Намъ суждено видѣть первыя, еще судорожныя движенія только-что раскованнаго богатыря. По безумному возбужденію, которое его охватило, конечно нельзя судить о томъ, какъ онъ станетъ строить свою жизнь. Но въ нашей едва начавшейся революціи уже есть нѣчто, что̀ поражаетъ весь міръ, и это—не только ея гомерическіе размѣры: поражаетъ то, что наше движеніе какъ разъ въ своей активной части, т.-е. въ лицѣ рабочихъ и крестьянства, такъ ярко окрашено чувствомъ соціальной справедливости, какъ еще ни одна революція до нея. *Соціализмъ, какъ дѣйственный массовый инстинктъ*—вотъ зрѣлище, которое въ такихъ размѣрахъ Россія впервые показываетъ западному міру—тому міру, который создалъ идеологію и тактику борьбы за соціальный идеалъ.

И такъ чудно воплощаются пророчества нашихъ мыслителей! Чаадаевъ и вслѣдъ за нимъ Герценъ видѣли залогъ всемірно-исторической миссіи русскаго народа, во-первыхъ, въ томъ, что его психическая почва не засорена пережитками богатаго прошлаго—этими пристрастіями, эгоизмами, предраз-

судками, нервными навыками, которые составляютъ главный оплотъ консерватизма на Западѣ,—во-вторыхъ, въ томъ, что онъ выступаетъ позже ихъ и можетъ воспользоваться всѣмъ богатствомъ накопленныхъ ими знаній, всѣмъ опытомъ ихъ ошибокъ. Когда опытные люди говорятъ намъ теперь, что передача всей земли народу ни въ одной европейской странѣ не осуществима съ такою сравнительной легкостью, какъ въ Россіи, и когда мы видимъ воочію, какъ быстро наше массовое движеніе усвоиваетъ идеологію и тактику, выработанныя Западомъ въ теченіе столькихъ лѣтъ, цѣною столькихъ страданій и ошибокъ,—тогда мы въ правѣ спросить: не суждено ли дѣйствительно этому могучему инстинкту русскаго народа, вооруженному всей силою западной мысли, обновить міръ? не Россія ли призвана рѣшить соціальный вопросъ, т.-е. воплотить въ жизни, насколько это позволяетъ природа, божественное начало справедливости [1])?

Въ заключеніе напомню еще нѣсколько строкъ Герцена. Онъ былъ далекъ отъ мысли, очень распространенной въ наше время, что соціализмъ долженъ окончательно освободить человѣчество и что съ его осуществленіемъ въ мірѣ

---

[1]) Эти строки были уже набраны, когда мы встрѣтили въ соціаль-демократической „Новой жизни“ любопытныя строки, констатирующія *изъ практики* отмѣченный въ текстѣ фактъ непосредственнаго слiянія соціальнаго инстинкта съ научной соціальной идеологіей. Авторъ разсуждаетъ о томъ, что самодержавное правительство оказало русской революціи незамѣнимую услугу, запрещая слово, потому что оно тѣмъ остановило пропаганду буржуазной лжи. „Западной соціаль-демократіи приходилось тратить годы на то, чтобы побѣдить буржуазное направленіе мысли, воспитанное въ рабочемъ буржуазной наукой и прессой. Русскій соціаль-демократъ не встрѣчается съ этимъ препятствіемъ... Когда агитаторъ приходилъ въ рабочую квартиру—ему оставалось только оформить то, что въ безсонныя ночи неясными отрывками приходило въ голову каждому изъ присутствующихъ... И быстро внѣдрялись въ умы великія истины соціализма, властно овладѣвая всѣмъ существомъ пролетарія“ („Н. ж.“ отъ 19 ноября, фельетонъ г. Вольскаго).

водворится безмятежность. Касаясь предстоящаго новаго фазиса всеобщей исторіи, онъ говоритъ: «Основной тонъ его мы можемъ понять теперь. Онъ будетъ принадлежать соціальнымъ идеямъ. Соціализмъ разовьется во всѣхъ фазахъ своихъ до крайнихъ послѣдствій, до нелѣпостей. Тогда снова вырвется изъ титанической груди революціоннаго меньшинства крикъ отрицанія, и снова начнется смертная борьба, въ которой соціализмъ займетъ мѣсто нынѣшняго консерватизма и будетъ побѣжденъ грядущею, неизвѣстною намъ революціей».


Библиотека ООН
Нью-Йорк

II.

«О развитіи революціонныхъ идей въ россіи» *(Du développement des idées révolutionnaires en Russie, 1851)* — такъ называется одно изъ сочиненій Герцена, которое никогда не было переведено на русскій языкъ и не вошло ни въ одно изданіе его произведеній.

Эта умная книжка значительно устарѣла, но не въ томъ смыслѣ, чтобы высказанныя въ ней мысли были опровергнуты или во многомъ исправлены позднѣйшими изслѣдованіями. Есть и это, но лишь въ малой степени; книжка же Герцена устарѣла потому, что множество историческихъ обобщеній и наблюденій, высказанныхъ имъ здѣсь впервые, сдѣлались съ тѣхъ поръ общимъ достояніемъ и утратили блескъ новизны. Работа Герцена была дѣйствительно первой попыткою прослѣдить развитіе революціонныхъ идей и освободительнаго движенія въ русскомъ обществѣ. Широкой публикѣ она осталась неизвѣстной, такъ какъ была издана за границею. Четыре года спустя, въ концѣ 1855 года, начали печататься въ «Современникѣ» «Очерки Гоголевскаго періода», ставившіе себѣ ту же цѣль. Что Чернышевскій зналъ книжку Герцена, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія; но тутъ нѣтъ надобности предполагать заимствованіе: близость исходныхъ точекъ и тождество матеріала уже сами по себѣ должны были сдѣлать то, что и общая характеристика изучаемаго процесса, и многія отдѣль-

ныя оцѣнки у обоихъ чрезвычайно сходны. А историческая схема «Очерковъ» надолго сдѣлалась у насъ канонической; она и прямо была усвоена двумя или тремя поколѣніями читателей и, воспринятая цѣлой фалангой журналистовъ, тысячью мелкихъ ручейковъ влилась въ сознаніе нашей интеллигенціи. Затѣмъ, уже въ 70-хъ годахъ, А. Н. Пыпинъ освѣжилъ и дополнилъ ее въ двухъ своихъ книгахъ, на которыхъ воспитались наши отцы и мы сами, — въ «Общественномъ движеніи при Александрѣ I» и «Характеристикахъ литературныхъ мнѣній». Пыпинъ изучалъ матеріалы вполнѣ самостоятельно, но свои руководящія идеи онъ заимствовалъ у другихъ—прежде всего у Чернышевскаго, затѣмъ изъ «Du développement» Герцена и у Н. И. Тургенева («La Russie et les Russes») и др. Такъ книжка Герцена постарѣла, не устарѣвъ. Но какъ цѣлое и непосредственно, она неизвѣстна русскому обществу; между тѣмъ это — одинъ изъ самыхъ блестящихъ обзоровъ исторіи нашего общественнаго самосознанія. Ее слѣдовало бы издать въ переводѣ; но пока это не сдѣлано, не лишнимъ будетъ и предлагаемый пересказъ. Моя цѣль—не изложить ее страница за страницей, а воспроизвести ея руководящія идеи [1]).

Герценъ сравниваетъ Петра Великаго съ Комитетомъ общественнаго спасенія: это былъ деспотъ во имя свое и своей великой мысли,—*коронованный революціонеръ*, и петербургскій періодъ, начатый имъ, былъ не продолженіемъ исторической монархіи, а началомъ юнаго, дѣятельнаго, необузданнаго деспотизма.

Важнѣйшимъ послѣдствіемъ Петровской революціи было то,

---

[1]) Пользуюсь вторымъ изданіемъ: Londres, Jeffs, Libraire, 1853, Seconde édition revue par l'auteur, publiée par la Centralisation de la Société Démocratique Polonaise; pp. XXIII+144.

что она раздѣлила Россію на двѣ части. На одной сторонѣ остался народъ, т.-е. свободное и крѣпостное крестьянство и мелкая буржуазія городовъ,—старая, консервативная, общинная Россія, православная или раскольническая, но во всякомъ случаѣ глубоко религіозная, одѣтая въ русское платье и ничего не воспринявшая отъ европейской культуры. Въ глазахъ правительства этотъ слой населенія является недовольнымъ элементомъ, оппозиціей, и его держали въ опалѣ, его отдали въ безконтрольную власть другой части народа, меньшинству. Это меньшинство, новая Россія, составилось изъ знати, созданной Петромъ, изъ стараго дворянства, изъ чиновниковъ и войска. Оторвавъ такимъ образомъ дворянство отъ народной массы и вручивъ ему страшную власть надъ крестьянствомъ, Петръ внесъ въ народную жизнь антагонизмъ, который раньше или совсѣмъ отсутствовалъ, или существовалъ лишь въ зародышѣ. Вотъ исходный пунктъ новой русской исторіи. Этотъ антагонизмъ неминуемо приведетъ къ соціальной революціи,—иного пути нѣтъ для Россіи.

Итакъ, народъ былъ обойденъ реформою и остался болѣе одинокимъ, чѣмъ когда-либо. Если онъ не погибъ, то лишь благодаря своимъ природнымъ свойствамъ и общинѣ; во всякомъ случаѣ, онъ ничего не выигралъ, къ нему не проникла ни одна политическая идея. Отнынѣ надолго все умственное и политическое движеніе сосредоточивается въ дворянствѣ. Исторія Россіи со времени Петровской реформы — исключая Пугачевскій бунтъ и 1812-й годъ—есть исторія русскаго правительства и русскаго дворянства.

Исторію русскаго освободительнаго движенія, по мнѣнію Герцена, приходится начинать съ 14 декабря 1825 года: кружки декабристовъ представляютъ собою первую истинно-революціонную оппозицію, какая возникла въ Россіи. Существовала оппозиція и до 12-го года, но она никогда не выходила изъ круга строго-монархическихъ идей; теперь впервые обнаружилась непримиримость между опекающимъ деспотизмомъ и опе-

каемой цивилизаціей. Первый бой между ними произошелъ 14-го декабря. Побѣда осталась за абсолютизмомъ.

Декабристы представляли собою то меньшинство Петровской Россіи, которое было уже настолько развито, что не могло уживаться во временныхъ условіяхъ петербургскаго режима. Временный характеръ—вотъ черта, всего рѣзче бросающаяся въ глаза при ближайшемъ ознакомленіи съ дѣятельностью русскаго правительства. Въ немъ все — переходное, временное, наскоро сколоченное: учрежденія, законы, планы. Это — не охранительное правительство, вродѣ австрійскаго напримѣръ, потому что ему нечего охранять, кромѣ своей матеріальной силы и цѣлости территоріи. Оно дебютировало насильственной ломкой всѣхъ учрежденій, традицій, нравовъ и законовъ страны, и все его дальнѣйшее существованіе представляетъ собою непрерывный рядъ потрясеній. Каждое новое царствованіе ставитъ подъ вопросъ участь чуть не всѣхъ правъ и учрежденій; сегодня запрещается то, что вчера предписывалось, законы создаются, мѣняются, упраздняются непрерывно. Какъ и всякая сила, лишенная историческихъ корней, русское правительство не только не консервативно, но, наоборотъ, до страсти любитъ нововведенія. Оно ничего не оставляетъ въ покоѣ, и если рѣдко что улучшаетъ, зато мѣняетъ постоянно; у него только и дѣла, что вѣчно, безъ устали и причины, мѣнять форму гражданскихъ и военныхъ мундировъ, тратя на эту забаву несчетныя суммы, да перекрашивать заново старыя зданія во славу изящнаго вкуса россійскихъ законодателей. Время отъ времени здѣсь совершаются и цѣлыя революціи; ибо какъ иначе можно назвать указъ, кореннымъ образомъ мѣняющій цѣлыя стороны государственной жизни? Герцѣнъ приводитъ въ примѣръ законъ 1838 г. о сельскомъ состояніи. Вмѣшаться въ жизнь крестьянской общины, поставить каждое село подъ двойной полицейскій надзоръ и ввести новый административный режимъ для семнадцати милліоновъ человѣкъ — это ли не революція?

На мѣсто этого зыбкаго деспотизма декабристы хотѣли поставить свободу и правовой порядокъ. Въ кратковременной дѣятельности декабристовъ ярко выступили нѣкоторыя черты, характерныя для всего дальнѣйшаго русскаго освободительнаго движенія, и прежде всего—готовность, разъ придя въ движеніе, идти до крайнихъ выводовъ, не ища компромисса. Заговоръ носилъ сначала конституціонный или, вѣрнѣе, либеральный характеръ въ англійскомъ смыслѣ этого слова; но лишь только эта программа была принята, на сцену выступилъ болѣе радикальный элементъ; умѣренные вышли изъ состава тайнаго общества, а его ядро отбросило мысль о представительной монархіи и высказалось за республику. Главари общества мечтали даже о федераціи славянскихъ республикъ и ставили себѣ цѣлью революціонную диктатуру, которая и должна была организовать республиканскія формы.

Больше того: Пестель поставилъ вопросъ на другую почву; онъ понялъ, что провозглашеніе республики не подвинетъ Россію впередъ, если не будетъ вовлечена въ революцію земельная собственность. Не надо забывать, что это происходило въ промежутокъ съ 1817 по 1825 г., когда въ Европѣ соціальный вопросъ не занималъ никого. Бабефъ былъ уже забытъ, Сенъ-Симонъ и Фурье писали свои трактаты, но ихъ никто не читалъ, опытами Оуэна никто не интересовался. Величайшіе либералы этого времени, Бенжамэнъ Констанъ или Поль-Луи Курье, отвергли бы съ негодованіемъ предложенія Пестеля,—предложенія, высказанныя не передъ группою пролетаріевъ, а въ кружкѣ, состоящемъ исключительно изъ представителей богатѣйшей знати. Пестель предложилъ имъ цѣною жизни добиваться экспропріаціи ихъ земельной собственности. Его планъ былъ отвергнутъ, потому что слишкомъ противорѣчилъ началамъ политической экономіи, только что впервые усвоенной; но никому не пришло въ голову обвинять Пестеля въ стремленіи къ грабежу и убійству. Онъ остался вождемъ Южнаго общества, и болѣе, чѣмъ вѣроятно, что въ случаѣ

успѣха диктаторомъ сталъ бы именно онъ, этотъ соціалистъ до соціализма.

Пестель не былъ мечтателемъ; напротивъ, онъ обнаружилъ глубочайшее чутье дѣйствительности. Онъ зналъ духъ своего народа. Онъ зналъ, что, оставивъ землю въ рукахъ дворянства, переворотъ создалъ бы лишь олигархію и что народъ даже не понялъ бы своего освобожденія, такъ какъ онъ хочетъ свободы только вмѣстѣ съ землею. И потому также онъ первый высказался за привлеченіе къ участію въ переворотѣ народа (раскольниковъ). Намъ нетрудно видѣть, что онъ поддавался самообману: ни декабристы не могли стать во главѣ соціальной революціи, ни народъ—пойти заодно съ дворянствомъ. Но это была пророческая ошибка; Пестель ошибся на практикѣ, хронологически, но по существу его мысль была откровеніемъ.

14-е декабря открыло новую фазу въ нашемъ политическомъ воспитаніи. Оно имѣло огромныя послѣдствія, притомъ въ двухъ отношеніяхъ—для общества и для правительства. Русскому обществу недоставало не либеральныхъ стремленій и не сознанія царящаго зла, а только прецедента, который далъ бы ему отвагу почина. Поведеніе образуется примѣромъ, и нигдѣ такой примѣръ не нуженъ больше, чѣмъ тамъ, гдѣ человѣкъ не привыкъ проявлять свою волю, разсчитывать на самого себя и довѣрять своимъ силамъ; а именно таково было русское общество. Съ развитіемъ образованности идея свободы естественно пустила въ немъ корни, но оно уже слишкомъ освоилось со своимъ пассивнымъ недовольствомъ; всѣ жаждали свергнуть деспотизмъ, но никому не хотѣлось выступить первымъ. И вотъ молчаніе было нарушено, пробита первая брешь,— и такъ поразительно было душевное величіе этихъ первыхъ смѣльчаковъ, что даже Николай не посмѣлъ унизить или заклеймить ихъ, а только казнилъ ихъ жестоко. Повязка упала съ глазъ.

Не менѣе сильно было вліяніе 14-го декабря на правительство. Съ Петра Великаго до Николая правительство высоко держало знамя прогресса и цивилизаціи; съ 1825 года

картина совершенно мѣняется. Отнынѣ всѣ усилія власти направлены на то, чтобы тормозить умственное движеніе; слово «прогрессъ» замѣняется на императорскомъ знамени тріединой формулой «самодержавіе, православіе и народность», да и то послѣдніе два лозунга провозглашаются лишь для формы. Религія и патріотизмъ являлись лишь средствами для упроченія абсолютизма, и народъ никогда не обманывался насчетъ націонализма Николая; чрезъ все царствованіе послѣдняго красной нитью проходитъ мысль: «погибни Россія, лишь бы власть осталась цѣла». 14-е декабря заставило власть объявить свой девизъ: она была вынуждена сбросить личину и открыто признать себя деспотизмомъ.

Двадцатипятилѣтіе, слѣдовавшее за этимъ переломомъ, характеризуется двумя противоположными чертами,—одною снаружи, другою въ глубинѣ, едва доступной глазу. Съ виду Россія остается неподвижной, даже какъ будто пятится назадъ, внутри все перерождается, всѣ вопросы становятся болѣе сложными, рѣшенія—менѣе простыми.

Какая свирѣпая реакція воцарилась въ правительствѣ, это достаточно извѣстно. Что касается народа, то онъ по прежнему держался въ сторонѣ отъ политической сферы. Ему не было никакого интереса принять участіе въ работѣ, которую дѣлали другіе слои общества. Долгія страданія также до извѣстной степени обязываютъ къ гордости; послѣ всего, что вынесъ русскій народъ, ему не пристало приходить въ волненіе изъ-за какого-нибудь мелкаго улучшенія въ его судьбѣ: лучше открыто носить свое нищенское отрепье, нежели натянуть ветошь всю въ заплатахъ. Но если онъ не участвовалъ въ умственномъ движеніи, это не значитъ, что въ его душѣ ничего не происходило: ему дышалось все труднѣе, его взглядъ становился все болѣе мрачнымъ; съ этого мертваго моря порою доносился глухой, далекій рокотъ, предвѣщавшій страшныя бури. Но поверхностный взглядъ не замѣтилъ бы этого недовольства: Русь казалась безмолвной, какъ кладбище.

Умственная работа шла не наверху—въ правящемъ классѣ, и не внизу—въ народной массѣ, а въ среднемъ слоѣ, въ среднемъ и мелкомъ дворянствѣ. Это движеніе кажется ничтожнымъ, но не слѣдуетъ забывать, что пропаганда, какъ и всякое воспитаніе, съ виду скромна и невзрачна, особенно тамъ, гдѣ ее приходится вести шепотомъ.

Все молодое поколѣніе охватила лихорадочная жажда знанія; школы гражданскія и военныя, гимназіи, лицеи переполнены учениками; дѣти бѣднѣйшихъ родителей тѣснятся въ учебныя заведенія. Правительство, еще въ началѣ вѣка заманивавшее дѣтей въ школу всевозможными привилегіями, теперь всячески затрудняетъ имъ доступъ туда, ограничиваетъ обученіе крѣпостныхъ и пр. Между тѣмъ московскій университетъ становится фокусомъ русской культуры. Царь ненавидитъ его, ссылаетъ ежегодно партіи его воспитанниковъ, не удостоиваетъ его посѣщенія при своихъ наѣздахъ въ Москву, а университетъ процвѣтаетъ, его вліяніе растетъ; находясь въ опалѣ, онъ ничего не ждетъ сверху, дѣлаетъ свою работу и мало-помалу становится могущественной силою. Цвѣтъ юношества изъ смежныхъ съ Москвою губерній широкою струею вливается въ ея университетъ, и каждый годъ отсюда расходится во всѣ концы имперіи цѣлая фаланга окончившихъ университетскій курсъ въ качествѣ врачей, учителей и чиновниковъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ въ провинціи и особенно въ Москвѣ видимо возрастаетъ классъ людей независимыхъ, не ищущихъ службы, преданныхъ научнымъ или литературнымъ занятіямъ и просящихъ у правительства одного — чтобы оно оставляло ихъ въ покоѣ. Это была полная противоположность петербургскому дворянству, жаждущему должностей и чиновъ, кормящемуся отъ правительства и стоящему въ рабской зависимости отъ него. А жить независимо, ни о чемъ не просить и избѣгать службы—это въ деспотическомъ государствѣ является оппозиціей; и дѣйствительно, правительство косо смотрѣло на эту горсть образованныхъ людей.

Въ эти годы уровень литературы значительно повышается, ея вліяніе усиливается и проникаетъ несравненно глубже, чѣмъ когда-либо. Она остается вѣрна своему назначенію: она по прежнему ведетъ либеральную пропаганду, насколько это возможно при цензурѣ. Въ одномъ мѣстѣ своей книжки Герценъ такъ опредѣляетъ роль литературы въ нашемъ освободительномъ движеніи: «Великій обвинительный актъ, предъявляемый русской литературою къ русской жизни, это безусловное и пламенное отрицаніе нашихъ собственныхъ ошибокъ, эта исповѣдь, съ отвращеніемъ озирающаяся на наше прошлое, и эта горькая насмѣшка, заставляющая краснѣть за настоящее,— въ этомъ наша надежда, наше спасеніе, прогрессивный элементъ русской натуры».

Я опускаю блестящій очеркъ состоянія русской литературы за эту четверть вѣка (1825—1850), который слѣдуетъ затѣмъ у Герцена, такъ какъ онъ не вноситъ ничего существенно новаго въ общую историческую концепцію Герцена. Но трудно устоять противъ соблазна привести одинъ-другой образчикъ тѣхъ мастерскихъ характеристикъ, которыми полны эти страницы. Напримѣръ, невозможно болѣе мѣтко опредѣлить въ немногихъ словахъ общественное значеніе дѣятельности Н. Полевого, чѣмъ это сдѣлано въ слѣдующихъ строкахъ. Полевой,—говоритъ Герценъ,—началъ демократизировать русскую литературу; онъ свелъ ее съ аристократическихъ высотъ и сдѣлалъ если не народной, то, по крайней мѣрѣ, болѣе мѣщанской. Его злѣйшими врагами были литературные авторитеты, которые онъ и задиралъ съ безпощадной ироніей. Онъ справедливо полагалъ, что уничтоженіе авторитетовъ — революціонный актъ и что человѣкъ, сумѣвшій свергнуть гнетъ громкихъ именъ и школьныхъ авторитетовъ, не можетъ остаться вполнѣ рабомъ ни передъ церковью, ни передъ властью.—Не менѣе вѣрна остроумная оцѣнка Сенковскаго. Онъ, высмѣивая все, что есть святого для человѣка, самъ того не желая, разрушалъ въ умахъ монархизмъ. Проповѣдуя комфортъ и чув-

ственныя наслажденія, онъ наводилъ людей на ту простую мысль, что невозможно наслаждаться, думая безпрестанно о жандармахъ, доносахъ и Сибири, что нельзя со вкусомъ пообѣдать, если не знаешь, гдѣ придется ночевать.

Западничеству и славянофильству Герценъ отводитъ цѣлую главу, и это, конечно, самая цѣнная часть его работы, потому что здѣсь онъ разсказываетъ, какъ очевидецъ, и споритъ, какъ заинтересованная сторона. Эти страницы—больше, чѣмъ исторія; онѣ дышатъ жизнью. Но зато мы не должны ждать отъ нихъ ни безпристрастія, ни даже равномѣрнаго освѣщенія обѣихъ доктринъ: это — страстная апологія западничества, только по смежности бросающая невѣрный свѣтъ и на славянофильство.

Главнымъ пунктомъ спора между славянофилами и западниками Герценъ считаетъ отношеніе къ вопросу о свободѣ личности. Западники, говоритъ онъ, видѣли одну изъ основныхъ причинъ рабства, тяготѣющаго надъ Россіей, въ недостаткѣ личной независимости: отсюда полное неуваженіе къ личности со стороны правительства и полное отсутствіе оппозиціи со стороны гражданъ; отсюда цинизмъ власти и покорность народа. Россіи, думали они, грозитъ самое печальное будущее, если не будутъ сдѣланы шаги къ освобожденію личности: продлись существующій деспотизмъ еще столѣтіе, и всѣ добрыя качества русскаго народа исчезнутъ. Къ счастію, Россія занимаетъ совсѣмъ особенное положеніе въ великомъ вопросѣ объ индивидуальности.

Однимъ изъ величайшихъ несчастій Западной Европы, поддерживающимъ пауперизмъ массъ и обусловливающимъ безплодность революцій, является моральное порабощеніе личности. Это—не недостатокъ индивидуальнаго самосознанія, а его недостаточная ясность, его искаженность благодаря историческимъ прецедентамъ, ограничивающимъ личную свободу. Европейскіе народы вложили столько страсти и крови въ свои революціи, что послѣднія какъ бы донынѣ сопровождаютъ ихъ,

и личность не можетъ сдѣлать шага, не наткнувшись на воспоминаніе, на моральное право, болѣе или менѣе обязательное и признаваемое ею самой. Каждый вопросъ уже былъ здѣсь наполовину рѣшенъ; долгъ и право, пути добра и зла, взаимоотношенія людей — все предустановлено, и притомъ не извнѣ, а въ значительной мѣрѣ согласіемъ самихъ дѣйствующихъ лицъ. Поэтому личность можетъ только либо покоряться, либо поднимать знамя мятежа; простой свободы дѣйствій у нея нѣтъ. Эти непреложныя нормы, эти готовыя формулы переплываютъ океанъ и проникаютъ въ основной законъ младенческой республики; онѣ переживаютъ обезглавленнаго короля и преспокойно усаживаются на скамьяхъ якобинцевъ и въ Конвентѣ. Этотъ конгломератъ полуистинъ и полупредразсудковъ долго считали прочнымъ базисомъ соціальной жизни, непреложной и неоспоримой истиной. И дѣйствительно, каждая изъ нихъ въ свое время была побѣдою, шагомъ впередъ на пути прогресса; но изъ ихъ совокупности мало-по-малу выросли стѣны новой тюрьмы. Мыслящіе люди замѣтили это уже въ началѣ вѣка, но вмѣстѣ съ тѣмъ они видѣли, какъ толсты эти стѣны и какъ много понадобится усилій, чтобы пробить ихъ.

Положеніе Россіи несравненно выгоднѣе. Стѣны ея тюрьмы—деревянныя; ихъ построила грубая сила, и онѣ рухнутъ при первомъ толчкѣ. Одна часть народа, отвергнувъ вслѣдъ за Петромъ все свое прошлое, показала, какой великой мощью отрицанія она обладаетъ; другая покорилась, но не приняла новаго режима, который такъ и остается временнымъ биваакомъ. Народъ изъ страха повинуется, но не вѣритъ.

Очевидно, что ни Западная Европа, ни Россія не могутъ продолжать идти по своимъ старымъ дорогамъ, что и та и другая должны отвергнуть старыя основы своего политическаго и моральнаго быта. Но Европа, какъ Никодимъ, слишкомъ богата, чтобы отдать свое достояніе за надежду; а евангельскимъ рыбакамъ нечѣмъ было дорожить; имъ легко

было промѣнять сѣть на котомку. У нихъ ничего не было, кромѣ живой души, способной понять Благую вѣсть *).

Эти условія, въ которыхъ находилась Россія, были настолько благопріятны для развитія личной независимости, что, казалось, здѣсь нѣтъ мѣста спору. Но вмѣсто того, чтобы воспользоваться ими, явились люди, задумавшіе лишить Россію единственнаго преимущества, вынесеннаго ею изъ прошлаго. Не менѣе западниковъ ненавидя настоящее Россіи, славянофилы хотѣли перенести на нее изъ прошлаго узы вродѣ тѣхъ, которыя тормозятъ прогрессъ Европы. Идею свободной личности они смѣшивали съ узкимъ эгоизмомъ; они видѣли въ ней не общечеловѣческую, а спеціально западную идею и, выставляя западниковъ слѣпыми поклонниками западной цивилизаціи, безъ устали указывали имъ на неудержимый упадокъ Запада, на овладѣвшій имъ маразмъ, на безсиліе его революцій, на грозящій ему соціальный кризисъ.

Все это была правда; но они забывали назвать тѣхъ, отъ кого они узнали эту правду. Европа не дожидалась ни лирики Хомякова, ни прозы Шевырева и Погодина, чтобы понять, что она—наканунѣ катаклизма, который приведетъ ее къ полному перерожденію или полному разложенію. Это сознаніе лежитъ въ основѣ соціализма и было высказано Сенъ-Симономъ, Фурье и Прудономъ задолго до славянофиловъ.

Но Европѣ трудно раздѣлаться со своимъ прошлымъ; она держится за него вопреки своимъ интересамъ, потому что она знаетъ, во что обходятся революціи, и потому что въ ея настоящемъ режимѣ есть много вещей, которыя дороги ей и которыя трудно будетъ замѣнить. Легко критиковать реформа-

---

*) Эпиграфомъ къ своей книжкѣ Герценъ взялъ гетевскія слова:

Dich stört nichtim Innern
Zu lebendiger Zeit
Unnützes Erinnern
Und vergeblicher Streit.

цію и революцію, читая ихъ исторію, но Европа писала ее своей собственной кровью. Въ этихъ мятежахъ она своими протестами во имя свободы мысли и естественныхъ правъ человѣка поднялась на такую высоту сознанія, которой она сама, быть можетъ, не въ силахъ осуществить. Напротивъ, мы свободны отъ прошлаго; это большое преимущество, но оно обязываетъ и къ большей скромности. Это — слишкомъ отрицательное достоинство, чтобы его можно было вмѣнять себѣ въ заслугу. Мы свободны отъ прошлаго, потому что наше прошлое скудно и безобразно; нельзя же любить такія вещи, какъ московскій царизмъ или петербургскую имперію. Ихъ можно объяснять, можно находить въ нихъ задатки свѣтлаго будущаго, но отъ нихъ можно только стремиться прочь. Упрекая Европу въ рабской привязанности къ ея учрежденіямъ, славянофилы не только не пытались дать отвѣтъ на вопросъ объ отношеніи свободы личности къ государству, но даже не изображали въ подробностяхъ тотъ славянскій политическій строй, о которомъ они безпрестанно твердили. Они ограничивались указаніемъ на кіевскій періодъ и на сельскую общину, забывая, что кіевскій періодъ не помѣшалъ ни наступленію московскаго, ни гибели свободы, а община не спасла крестьянъ отъ крѣпостного права. Европа не разрѣшила антиномію между личностью и государствомъ, но она по крайней мѣрѣ поставила вопросъ. Россія приближается къ этой проблемѣ съ противоположной стороны, но и она еще далека отъ рѣшенія. Передъ этимъ вопросомъ Россія и Европа равны. У насъ больше надеждъ, потому что мы только еще начинаемъ, но надежда— только потому надежда, что она можетъ и не осуществиться.

Въ эпилогѣ и въ предисловіи Герценъ разбираетъ объективные шансы грядущаго русскаго возрожденія. Въ нѣдрахъ нашего народнаго духа онъ находитъ какой-то врожденный соціализмъ; это не теоретическая формула, даже не мысль, а смутное, но могучее влеченіе, инстинктъ, проявляющійся въ бытѣ, въ пѣсняхъ и сказкахъ народныхъ. И есть какое-то

глубокое родство между этой складкой русскаго духа и революціонными стремленіями европейскихъ массъ; въ далекихъ раскатахъ славянской грозы чуткое ухо ловитъ тѣ же звуки, что слышатся изъ подземныхъ глубинъ стараго міра. Нѣтъ сомнѣнія: у сѣверныхъ варваровъ и западныхъ пролетаріевъ— одинъ общій врагъ, хотя они не догадываются объ этомъ,— старый феодальный монархическій строй, и одна общая надежда—соціальная революція.

Прошлое русскаго народа питало и растило въ немъ этотъ исконный соціализмъ. Какъ могла укорениться вѣра въ святость собственности тамъ, гдѣ произволъ власти создалъ главную форму собственности? Крестьянская Русь была подчинена дворянской рядомъ полицейскихъ мѣръ: легко было представить себѣ рядъ противоположныхъ мѣропріятій, отмѣняющихъ право собственности на людей. И точно также идеи собственности не могли упрочиться и обрости плотью благодаря отсутствію ясныхъ и незыблемыхъ юридическихъ нормъ. Да и вообще правовая необезпеченность, искони тяготѣвшая надъ народомъ, была для него своего рода школою. Вопіющая несправедливость одной половины его законовъ научила его ненавидѣть и другую; онъ подчиняется имъ, какъ силѣ. Полное неравенство передъ судомъ убило въ немъ всякое уваженіе къ законности. Русскій, какого бы званія онъ ни былъ, обходитъ или нарушаетъ законъ всюду, гдѣ это можно сдѣлать безнаказанно; и совершенно такъ же поступаетъ правительство. Это тяжело и печально сейчасъ, но для будущаго это— огромное преимущество. Потому что это показываетъ, что въ Россіи позади видимаго государства не стоитъ его идеалъ, государство невидимое, апоѳеозъ существующаго порядка вещей. Въ Россіи вообще нѣтъ ничего позади того частокола, за которымъ держитъ насъ внѣшняя сила. Возможность переворота въ Россіи есть лишь вопросъ матеріальной силы; вотъ почему особенно русская почва является наиболѣе подготовленной для соціальнаго обновленія.

Судьбы Россіи теперь больше, чѣмъ когда-нибудь, неразрывно связаны съ судьбами Европы. Сила, гнетущая насъ,— не специфически-русская сила, а вообще деспотическая, ретроградная; это—оплотъ всемірнаго абсолютизма; русское самодержавіе болѣе международно, чѣмъ самая революція. Съ другой стороны, освободительныя стремленія Россіи тождественны съ революціонными стремленіями Европы: тотъ же врагъ и та же надежда; національный элементъ, вносимый Россіей,—это инстинктивность ея стремленія къ соціализму и ея юношеская свѣжесть. Тутъ естественная взаимная порука: одержитъ верхъ въ Европѣ консерватизмъ,—освобожденіе Россіи будетъ надолго отсрочено, и, наоборотъ, русскій абсолютизмъ—самый могущественный союзникъ европейской реакціи.

Съ тѣхъ поръ какъ Герценъ излагалъ эти мысли, прошло полвѣка; за это время русская общественная мысль нѣсколько разъ формально ставила и пробовала рѣшать вопросъ о томъ, суждено ли русскому народу пройти европейской дорогой, или у него свой особый путь. Оба взгляда находили себѣ горячихъ защитниковъ. Особенно обострился споръ въ 90-хъ годахъ, въ эпоху увлеченія марксизмомъ. Послѣдній доставилъ рѣшительное торжество «западничеству», притомъ—въ такой абсолютной формѣ, отъ которой съ испугомъ отступились бы самые крайніе наши западники 40-хъ годовъ. Этимъ крайнимъ западничествомъ проникнута сейчасъ наша соціалъ-демократія, постулирующая полнѣйшее тождество основныхъ чертъ развитія Россіи и Западной Европы. И ея прогнозъ былъ бы совершенно вѣренъ, если бы вѣрна была ея историческая философія; потому что въ человѣчествѣ нѣтъ ничего болѣе однообразнаго, нежели законы и формы матеріальнаго бытія; кто же станетъ спорить, что законы накопленія и распредѣленія богатствъ тождественны подъ всѣми широтами? Но вопросъ въ томъ, вѣрна ли эта историческая философія, видящая главное отличіе человѣка отъ животнаго въ томъ, что одиночную борьбу за существованіе онъ замѣнилъ классовой борьбой.

Всей своей книжкой Герценъ говоритъ: цѣль пути у насъ одна съ Европой, ибо здравый смыслъ единъ и едина мечта человѣчества; эта цѣль—соціализмъ, который есть не что иное, какъ непреложное требованіе здраваго смысла; но дороги наши различны, потому что у насъ разные организмы и потому что мы разно жили.—Въ этомъ утвержденіи—не только иное пониманіе русской исторіи, но и другая философія исторіи.

